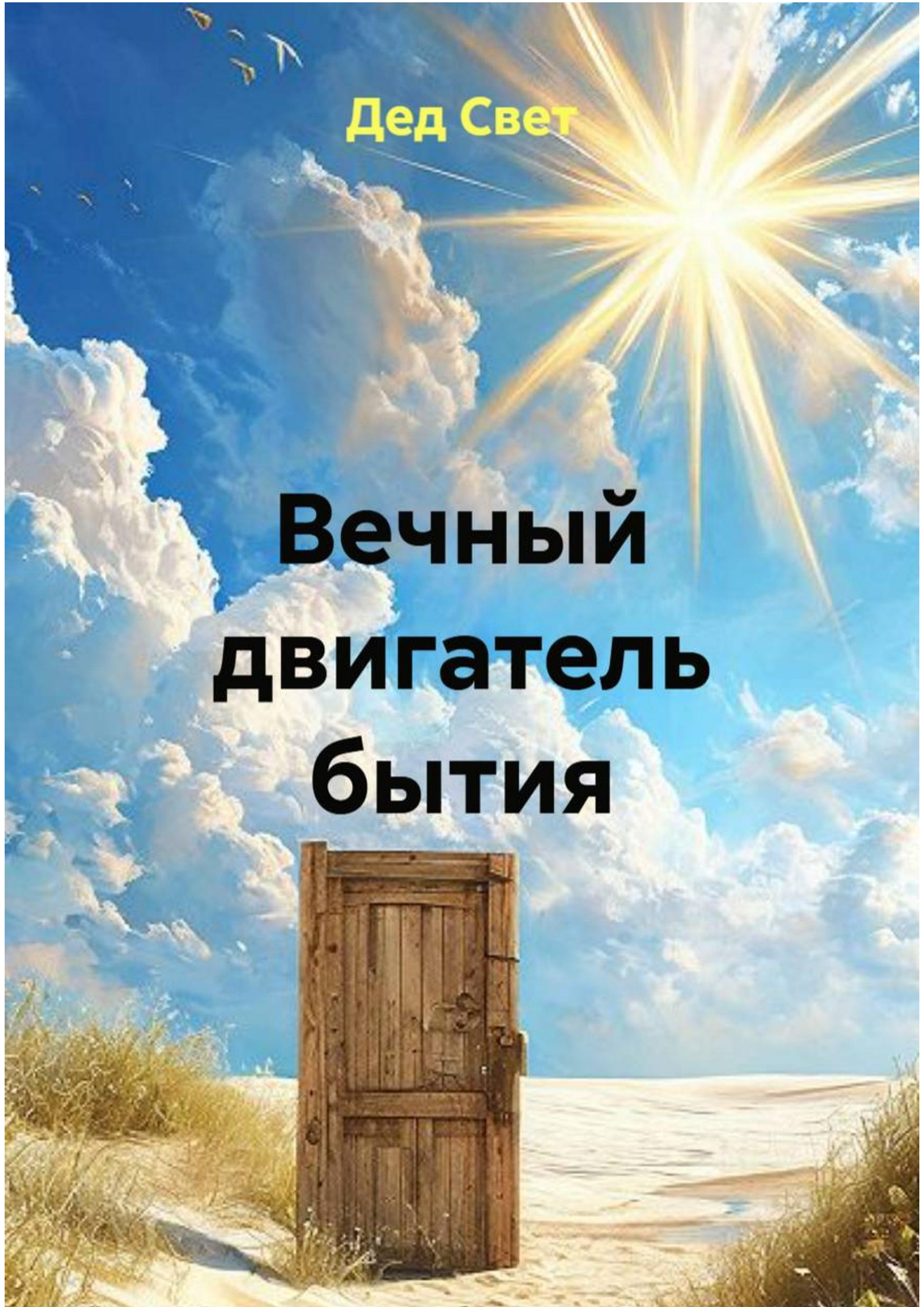

Дед Свет

Вечный двигатель бытия

Дед Свет

Вечный двигатель бытия

«Автор»

2026

Свет Д.

Вечный двигатель бытия / Д. Свет — «Автор», 2026

Грешник Владимир получает предложение от Паромщика, приведшего его к Вратам Ада, остаться с ним в пустыне Переправы, чтобы избежать Ада. Грешник соглашается, и вскоре узнаёт о себе, что он – живой. Паромщик, шестёрка змей, и Грешник ходят по пустыне, и философствуют на вечные темы. Через время Грешник ненадолго появляется перед Вратами Рая. После снова возвращается на Переправу, откуда готовится к возвращению на Землю.

В это время начальник Ада выявляет недостачу душ при составлении годового отчёта. Он пытается перекрыть её душами погибших на Земле инопланетян. Из-за этого назревает конфликт вселенского масштаба.

© Свет Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Обращения	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вечный двигатель бытия

Обращения

Читателю:

Добро пожаловать на страницы весёлой, доброй, многомерной сказки для взрослых.

Автор и самобытные персонажи этой истории ждут ваших улыбок, и передают послание, что самый главный герой в этой истории – это, конечно же, вы, читатель-наблюдатель.

К персонажам:

Передаю благодарность всем персонажам этой истории, за то, что дали мне право описать их дивный Мир.

Дед Свет

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ад – вечная жизнь?

Последнее желание перед Вратами Ада

I

Далёкий источник рассеянного света скудно подсвечивал участок пустыни сквозь густые слоистые облака. Перед Вратами Ада, окружёнными барханами несметного песка, стоял грешник.

Он иронично произнёс во все стороны, будто обращаясь к зрителям, и показывая на вывеску «Ад»:

– Я представлял себе более приятное место! А вы? Если отвечать начистоту, каждый считает, что заслуживает Рай? Все мы одинаковые... Что ж, суть сбылась: я хотел получить вечную жизнь – и я её получил. Сказано же: «Грешники будут гореть вечно». Так что мне нечего больше желать.

Он провозгласил «Вечность!», выдохнул, и вошёл во Врата, гремя оковами. Провожающий Паромщик потянулся закрыть за ним вход, но что-то помешало ему сделать это, и он вдруг окрикнул:

– Постой!

Осуждённый оборачиваться не стал, хотя немного и замедлил шаги.

Паромщик подался за ним, но черта, отделявшая от Ада, охладила порыв, он задержался в проёме Врат и снова крикнул:

– Вернись на Переправу!

Тот остановился и напряг слух.

Паромщик настойчиво отозвал:

– Грешник, выйди из Ада!

II

...Заклубился серо-коричневый туман. Небо загружалось зловещими тучами, обостряя напряжённость.

Грешник продолжал стоять спиной к Вратам. Опустив голову, и нервно подёргивая коленями, он ловил беспокойные мысли. «Почему я не иду обратно? Потому что это заденет моё самолюбие. Тогда я должен уверенно идти в Ад, чтобы не показаться трусом. Нет, уши услышали надежду, – ноги не идут. Значит, всё-таки хочу избежать Ада?»

Он посмотрел вперёд: что там, геенна огненная и зубовой скрежет? Всмотрелся вдаль: виднеется только сумеречный воздух. Вслушался: только настораживающая тишина...

«Но ведь отступление, если жизненно необходимо, – не слабость? Уговариваю себя, стыдно. Как поступить эффективнее: сдаться, вернувшись на Переправу, или уверенно пойти в Ад? А перед кем я хочу показаться эффективнее? Не помню. Некто поселились в моей голове, скандируют вредящие лозунги, из-за этого я не могу выделить время для тишины, чтобы подсветить патологию и сбросить их инфекционный морок. Как так вышло, что я сам допустил их в себя и теперь переживаю о том, что они подумают? Вот это точно стыдно. Они сыграли на моих слабостях, манипулируют моим самолюбованием и теперь властвуют надо мной! Сейчас я признался себе в этом, но слишком короткий срок, чтобы провести дезинфекцию, исцелиться от тщеславия и трусости. Нет, надо принять решение одномоментно, и поступить согласно здравому смыслу».

– Послушай, – нетерпеливо сказал Паромщик, – я не обещаю тебе Рая, но...

– Как же, Рай! – ухмыльнулся грешник, нарочито побряцав гирляндами цепей, и стал растирать занемевшие пальцы. – Спаситель Харон.

– Чёрт бы тебя побрал, не время язвить.

– Уже побрал.

– Ещё нет!

– Нет? – неожиданно для себя быстро переспросил грешник.

Паромщик посмотрел на спящего за песочным бугром Вратаря, но времени на объяснение не было, он поторопил грешника:

– Больше нет времени на раздумья. Вернись сюда, на Переправу. Сейчас у тебя есть шанс затеряться.

Вспыхнула ветка разряда, молниеносно отрастив густую огненную поросль. Послышался нарастающий топот копыт табуна грозового оркестра.

Паромщик козырнул гарантией:

– Одно могу обещать тебе точно: ты всегда сможешь снова зачислиться в Ад.

Ударил оглушительный гром.

Грешник выпрямил спину и повернулся.

III

Ветер своими щупальцами месил тучи, растягивал их, рвал, слеплял, уплотнял.

Со скрипом раскачивались створки Врат.

Грешник и Паромщик посмотрели вверх, в их зрачках заплясали искорки. Пелена над головами опалесцировала изумрудно-сапфировыми оттенками. Сияние словно растёкшихся драгоценных камней вызывало восторг.

Щупальца спустились к грешнику и Паромщику, заворошили их волосы, хлопали полами их рубаш, трепали холщовые штаны, поднимали возле сандалий вихри песка.

Паромщик перекинул ногу через порог, побултыхал ею и отдёргнул как ошпаренный, давая понять, что не войдёт.

Молния озарила лицо грешника, струйкой света побежала по звеньям цепи, ослепительно засверкала. Раздался треск, с запястий и щиколоток грешника сбежали шесть маленьких змеек. Оковы пали.

– Мы не виноваты, – хором сказали оковы тонкими, будто детскими голосами, и поползли впереди раскованного грешника к выходу из Ада.

IV

Ветряные щупальца выбивали из песка пыль, рисовали ею ажурные галстучные огурцы. Узоры стелились позёмкой за ползущими змейками.

Змейки ловко перескочили через порог, забрались на плечи Паромщика и, встав на хвосты зигзагами вверх, устались своими очеловеченными мордочками на шествующего грешника.

V

Начальник Ада Принимающий, широкоплечей тенью сидел в полумраке своего кабинета в ожидании данных по принятым сегодня в Ад душам. Он багровел от раздражения из-за опоздания ответственного за списки работника, хаотично переворачивал песочные часы, барабанил пальцами по столу и зычно зевал, прогоняя сон.

Наконец в коридоре послышались шаги. Открылась тяжелая дубовая дверь кабинета, вошёл старший Вратарь.

– Наконец-то! – заорал на него Принимающий. – Где ты ходишь, Вратарь? Ты что, заблудился? И вид у тебя какой-то помятый, волосы будто наэлектризованные. Ты что, выбирался из тернового куста?

Работник смочил в умывальнике руки, протёр заспанное лицо, волосы, поправил одежду. И неслышно подошёл к орущему начальнику.

– Ты старший из всех Вратарей, какой пример им показываешь? Трудовая расхлябанность! Я тебя аж с придыханием ожидаю, словно боюсь спугнуть великое Солнце, которое, к слову сказать, если и закатится в небо Ада для долгожданного солнцестояния, то что тут начнётся, уму непостижимо! Или постижимо? Ну, тут уж смотря какой ум... Ладно, давай, отчитывайся. Сегодня на всех Вратах был приход душ? Сколько единиц приняли? А ты сколько принял, опять меньше всех? Где на них накладные?

– Во-от, – задрожал голос работника.

– Что – вот?! Отвечай многосложно! – рыкнул Принимающий и вырвал из рук стопку измятых листов.

Пламя свечи беспокойно запрыгало.

– Во-от, принял... – коротко ответил Вратарь и осёкся.

– Чёрт знает что! – Принимающий чертыхнулся в накладные и дал фасаду стопки пощёчину.

– Чёрт *знает* – что, – повторил Вратарь, сместив акцент на слово «знает», и заискивающе склонился.

– Я знаю, что *знаю*. Гм-м, – с превосходством промычал начальник, и, поудобнее устроившись в поскрипывающем старинном кресле, пустился дежурно отчитывать. – Когда закончится этот бардак, а? Олухи царя небесного! Зазря харчи проедаете. Помощнички. Вы что себе думаете?.. – он зажёл остальные свечи, обвёл взглядом посветлевшую комнату, одинокую худую фигуру парня, его растерянную физиономию, и продолжил распекать всех работников в лице одного. – Вы что думаете, Ад – это вам цацки? Хотели в цацки играть – надо было «на Рай подавать». На генералов, народного или заслуженного они уж постарались наскрижальить заявления. А когда за, так сказать, особые заслуги перед Человечеством их направили на тяжёлые работы – тут же хвосты и поджали.

– Да. Да, – пристыжено соглашался Вратарь.

– Да-а. Да-а, – Принимающий передразнил его вялые «да», пошёл в другую часть кабинета.

Там, в спальне, он набросил на себя излюбленный до потёртостей домашний бархатный халат, вернулся в кресло, раскатисто зевнул и смягчил тон:

– Чтобы в обитель блаженных попасть, много-то ума не надо, не потребуют. На то она и блажь, ха-ха. Где-то в искажённых исторических источниках читал, не помню точно: убогие и нищие попадут, сам понимаешь, куда. Что ж ты, инженеришка, в земной жизни выпячивал свой интеллект? Потрясал бы там шапкой для подаяния, – авось бы уже райские яблочки грыз, прогуливаясь вразвалочку по благоухающим аллеям. Значица, перестарались вы на Земле, умники да выскочки. Не надо было усердствовать, и Бог бы вас в Рай забрал. А в Раю какие заботы: сиди себе на краю фонтанов да струи щелбанами расплёскивай, наслаждаясь бездельем до одурения.

– О-хо-хо... – раскаивался Вратарь.

– Вижу, раскаиваешься. Иди сюда, иди, – начальник похлопал себя по ноге, словно подзывая животное, и указал на пол. – Присядь, я тебя пожалею. Сымитируем ролевую пару «хозяин-питомец»: и ты успокоишься, и я раздражение сброшу. Честно говоря, это какое-то наказание, что в Аду нельзя держать домашних животных, их так не хватает для души... Ты уясни, Бобик, ой, Вратарь: у нас застава на заставе – глаз да глаз, и время нарасхват! Это в Раю время резиновое, и никаких задач. А-а-а, зевота одолела... Ну что мне с тобой делать? – риторически спросил он и потрепал Вратаря за волнистый чуб, похожий на чёлку болонки. – Вот, бестия – эта неоднозначность! Ты, эдакий, – «в тихом омуте», не поймешь, что у тебя на уме. А зато из всех Вратарей я только тебе могу довериться, выговориться, разделить трапезу, – вот что важно! Но есть ощущение, будто ты по должности не на своём месте, и этим раздражаешь. Спихнул бы тебя в Рай, дак не возьмут же, срок для пенсии не подошёл. И для Ада не годишься. Чёрт знает, что делать?

– Ч-чёрт з-знает, что д-де-лать, – отозвался страшющийся служака.

VI

Змеи, спутавшиеся между собой из-за поединка с разнонаправленным ветром, тщетно пытаясь разъединиться, колесили по шуршащим барханам перекасти-полем.

– Оставлю себе имя Грешник, – крикнул Грешник Паромщику, чётко проговаривая каждое слово, стараясь быть услышанным в свистах шквала. И показал на себя. – И что теперь?

Паромщик обескуражено почесал в затылке, что-то ответил и, сопротивляясь ветру, продолжил идти. Грешник же увяз, и отстал.

Ветер принёс ему ответ Паромщика:

– Только одно: идти вперёд.

– Понятно, – сказал Грешник с нотой смирения и, одновременно, с радостью безысходности, когда ни за что не нужно нести ответственность.

Однако он скептически посмотрел по сторонам, догнал Паромщика и показал на непроглядную мглу.

– Всё же непонятно, где это – «вперёд», ведь кругом – всё одно и то же. Откуда знаешь, куда идти?

– Чувствую. Ты тоже этому научишься. И не только этому, – безэмоционально ответил Паромщик.

Последние слова взбудоражили кровь Грешника. Он гордо поднял подбородок, сузил веки и, твёрдо вышагивая, начал воображать себя с необыкновенными способностями.

– Расслабься, – Паромщик успокаивающе пристукнул его по лопатке и встал в стойку вратаря, чтобы поймать несущийся зелёно-коричневый клубок. – Здесь тебе не выдадут нить Ариадны, плащ героя или что-то подобное. Здесь всё намного прозаичнее, чем ты себе представлял.

– У тебя что, есть дар читать мысли?

– Я бездарный. Просто чувствую, – сухо ответил Паромщик и потряс змеями. – Лучше помоги распутать змей. А то они сейчас удавятся.

Змеи, прокашлявшись от удушения, просипели:

– Можно подумать, чувствовать – это не Божий дар. Скрамник.

VII

...Полчища котлообразных тяжеловесных туч, гремя иссиня-чёрными чугунными доспехами, поправ честные правила боя, набросились на мирные группы легковесных соперников. Тяжеловесы бодали мелкие тучи, выбивая из них приторную наивность и запущенную беспечность, насаживали на рога, разрывали на части и погребали в себе, раздуваясь от сытости и высокомерия. Убрав с поля брани более слабых, сильнеешие не закрепили рукопожатием свой союз. Нет. Страдая манией величия и подозрительностью слабоумных, они на опережение кинулись истреблять друг друга до тех пор, пока не образовался один победивший всех котёл. Покрытый синяками и вмятинами, ставший могилой для себе подобных, котёл мучился изжогой от сероводородных испарений и брожения парниковых газов. Получив право единоличного пользования собой, уставший и одинокий котёл мечтал о стакане воды, понимая, что теперь некому его принести. Тучевой бульон перекипел, проронив лишь редкие капли влаги, и превратился в пар. Изжога прожгла бока, их саднило, шрамы расходились, вызвав утечку газа. Котёл пыхтел от давления и температуры, его истязали видения бессмысленной кровопролитной битвы, а он остатками силы воли пытался в воображении перековывать мечи на орала. Котёл на последнем издыхании важно выпятил грудь, надулся пузырьём, но истончился, и неизбежно лопнул, накрыв ветхим, погребальным саваном слоистых облаков перевозбуждённое пространство...

Стемнело. Кое-где в облаках ещё мелькали слабеющие свинцовые отсверки. У горизонта изредка искрило, будто отсыревшими бенгальскими огнями. Ветер принял вид бесшумного призрака. Шуршание песчинок стихло.

Небо полностью успокоилось. Веяло прохладой.

– Привал, – сказал Паромщик и впервые посмотрел на обрётённого попутчика долго и мало-мальски задорно.

– И где будем спать?

– А прям где стоишь, там и ложись, – ответил тот, и сам, где остановился, там и лёг.

– Ну да? – Грешник осмотрелся и подтвердил сам себе: – Ну да.

Он опробовал несколько лож, и раздосадовано восстал над попутчиками, отряхивая с одежды сырой песок:

– Спальных мест хоть отбавляй.

Змеи, пригревшись на груди Паромщика, млея, покусывали у самих себя хвосты. Услышав Грешника, они тут же расколыцевались и откликнулись:

– Айда, найдём ему термопятно.

Они разбрелись и, казалось, на первый взгляд, стали хаотично ползать, но вскоре выстроились в полосу и, имитируя триумфальный призыв горна своими детсковатыми голосами, уже подзывали Грешника отмахами голов: мол, иди сюда.

Грешник лёг, «примерил» на себя термопятно.

– Тепло! Колыбель из земли. Спасибо.

Шестёрка наскоро соорудила из себя человеческую фигурку и присела в легком книксене.

– Будьте добры, подобострастный реверанс, – пошутил он и мягко наклонил их вперёд, проведя ладошкой сверху вниз.

Фигурка человечка распалась и вернулась за пазуху.

Довольный Грешник наслаждался комфортом.

– Паромщик, тебе там не холодно?

– Нет, – ответил тот, перебирая одну из змеек между пальцев, как перекидные чётки.

– Он и без наших подсказок находит эти термопятна, – дополнили несколько голов.

– Я даже знаю, как. Чувствует, – отозвался из колыбели Грешник.

VIII

На следующий день компания продолжила путь.

Грешник постучал себя по животу:

– Вот интересно, второй день как я здесь, а есть до сих пор не хочется.

«Это действительно интересно!», «Загадка природы!», «Следует сесть за диссертацию!», – по очереди участливо согласились три змеи, сидевшие на одном плече Паромщика, и три соплеменницы со второго по очереди деловито закивали им в поддержку: «Эта загадка природы стоит выведенного яйца!», «Стоит двух выведенных яиц!», «Ставлю на кон три яйца, и я не блефую!»

Грешника развеселили их слова, а Паромщик спокойно ответил:

– Между Раем и Адом не бывает чувства голода. Да тут, на Переправе, и есть нечего.

Змейки театрально заголосили:

– О-о-о, мы искушаем себе локти, что промахнулись с ареалом обитания.

Грешник снова постучал себя по животу, только уже от смеха.

– Не понимаю, и как ты над ними не смеёшься?

– Над нами смеяться? – взыскательно спросила шестёрка у Паромщика, маяча у его лица, округлив двенадцать щёлок зрачков. – Разве не видно, что мы – сама серьёзность, а также, что мы – само трудолюбие?

Грешник подначил их:

– Вообще-то, вы на нём едете всю дорогу, трудолюбцы.

Змеи оправдались:

– Просто, у нас от голода нет сил идти своими ногами. Нас искусственно поместили в невыносимые условия. В более сытой жизни мы бы шесть жил порвали, чтобы быть самостоятельными, и не просить субсидий. Нас вынудили покориться коловороту сансары, подменам понятий и застройке пахотных земель. Поэтому мы прикинулись простачками, чтобы безопасно дожить до лучших времён.

Паромщик отмахнулся от них, как от мух. Но змеи снова засуетились головами у него перед лицом и затараторили: «Сенсация: перенаселение, голод!», «Поедим, что Бог послал!», «Ели не ели – а за столом просидели!», «Сам кашу заварил, сам и расхлёбывай!», «Не в коня корм!», «Кто срубил ясень манновыи?!»

Грешник подыгрывал, повторяя за ними.

Паромщик захватил змей в горсть, как лапшу, перекрестил их «чур меня» и метнул на плечо попутчика:

– Вот у него и спросите, кто срубил.

Самая юная из них прилетела Грешнику на голову. Там она заизвивалась, захихикала. Остальные змеи перевели на неё внимание, потеряв интерес к насущному вопросу о ясене. Грешник посмотрел на Паромщика.

Юная пришла в чувство, свесилась у переносицы, а самая старшая из змей, фыркнув, покрутила кончиком своего хвоста у её виска.

Паромщик снова отмахнулся, и сказал Грешнику:

– Змеи любят паясничать.

Юная тем временем агитировала:

– Соплеменницы, советую посетить это место силы: размять косточки и тонкие тела. Паромщик, возложи руки на макушку Грешника для подзарядки.

И каждая змея посетила макушку, поизвивалась. После чего шестёрка залезла всей кучей. Они постучали по голове кончиками хвостов, вызвали звук пустого бидона и оповестили:

– У него здесь живоносный родничок вибраций тонких полей.

Паромщик прервал ход, возложил руки на голову Грешника, и его лицо озарилось.

IX

– Ты не зря вернулся из Ада! Ты и не должен был попасть в Ад. У тебя из родничка исходят вибрации тонких полей. Значит, ты – живой!

X

– Живой? – торжественно испугавшись, переспросил живой.

Змейки просто обалдели, и в очоленевшем виде брякнулись с плеч на землю, шипя: «живой».

– Нам предстоят... – напыщенно начал Паромщик, но оборвал сам себя. – Я подумаю, и потом договорю.

Шестёрка встрепенулась, сразу стала предлагать варианты: «Что нам предстоят? Великие дела?», «Весёлые деньки?», «Трудовые будни?», «Лишения?», «Тёмные времена?», «Выборы президента, Папы, Бога?!»

И снова зашипела «живой».

Грешник проигнорировал змей:

– Живой, не живой... Разберёмся, как говорится, по ходу пьесы.

Он притёрся к Паромщику, и уменьшил громкость голоса.

– У меня к тебе есть разговор на наболевшую тему...

Змеи вытянули шеи и прислушались.

– Сиеста – мудрость веков, – сказал Паромщик, придавая песку форму подушки. – Давай после обеда. А то и так в голове перегруз. Вот, я сделал себе ортопедическую подушку, отдохну от спортивной ходьбы по нашей пересечённой местности, и тогда...

– У меня мужской разговор.

– Ого, ну раз мужской, слушаю.

Змеи аж разинули пасти, так им хотелось присутствовать при «мужском разговоре».

– Только при змеях я не смогу откровенничать, пусть они отползут.

Шестёрка тут же обступила Грешника, и стала клянчить и заклинять: «Говори при нас, у змей нет ушей», «Мы будем немые, как рыбы», «Не тушуйся, здесь все свои», «Выкладывай, вредно держать в себе», «Обнажи душу», «Тайна исповеди для осведомителя – закон».

Паромщик предложил:

– Вырой им лунку, там они быстро уснут. Проверенный способ.

Грешник как пустынная ящерица стремительно заворошил песок. Переместив в лунку обиженную шестёрку, он вернулся к лежащему Паромщику и что-то зашептал.

Змеи послали самую длинную, та растянулась до треска в коже и, отскочив обратно в лунку, принесла новость: «Наболевшая тема – женщина».

«Женщина, женщина, женщина, женщина», – передали остальные по цепочке друг другу.

XI

– Ну ты даёшь! – Паромщик подскочил, и встал на свою подушку.

Грешник укоризненно посмотрел на змей. Те мигом замолчали, а поскольку глаза у змей не закрывались, они захрапели, делая вид, что спят.

– Так это возможно?..

– Невозможно. Ты посмотри, – Паромщик провернулся на пятках вокруг себя, очертив рукой по всему пространству, – откуда здесь женщинам взяться? Ты вправду живой, Грешник, или притворяешься?!

Змеи снова зашипели слово «женщина».

– Они всё-таки подслушали. А почему они не уснули? – спросил Грешник.

– Наверное, не хотели спать.

– Ты же сказал, что «проверенный способ».

– Это я так, чтоб ты отстал.

– Заговорщики!

XII

Принимающий заработался до полуночи, сверяя приходные накладные и списки живущих в Аду.

В борьбе с расфокусировкой зрения и памяти он, то рьяно растирал виски, то тарабанил пятками; и уже почти лопнуло терпение, когда, наконец, получилось выявить недочет. Принимающий взвыл:

– Недостача! Из ста пятидесяти тысяч прибывших душ двоих кто-то умыкнул! Или сами отбились от стада? А на носу годовой отчёт. О, мой Бог.

Он запнулся, смешался, бешено вонзился в шевелюру, пытаясь её проредить.

– О, мой Бог, я сказал: «О, мой Бог»! Дважды сказал, нет, трижды! Всеу или нет?

Он отбросил вырванный клочок и проронил:

– Нервы ни к чёрту. Эх, ладно, утро вечера мудренее.

Сплюнул через левое плечо и задул свечи.

ХIII

– Заходи, Василий, – сказал Принимающий старшему Вратарю, положил на него свою тяжёлую руку и повёл к креслам у негорящего камина.

– Как тебе камин? Читаю ответ в твоей запинке: «И без него жарко». Да я не для обогрева взял. Так, знаешь, прикупил для декора своего кабинета, по совету дамы сердца. Итак, к делу, Василий: грядут перемены!

– Боюсь предположить...

– Озвучь, не робей. Читаю немой вопрос в твоих честных глазах.

– У меня теперь имя есть?

– Да, отныне имя тебе – Василий! Ибо... ибо ты отправляешься в важную командировку, а там без имени-отчества нельзя. Ибо любое событие, как и имя, должно иметь своё значение. О как!

Принимающий поднял указательный палец вверх.

– Событие – это я?.. – растерялся Вратарь.

– Да. Садись, Вася.

И только они опустились в кресла, Принимающий вышел из себя:

– Да разогнись ты, чёрт тебя побери!

– Готов служить, – угодливо отчеканил тот и приосанился.

– Ой, ну как мне надоело это раболепие! Ты служи, а не выслуживайся. Я вызвал тебя, чтобы наоборот, освободить и спасти.

– От чего? – заблеял Вратарь.

– Освободить от должности Вратаря, и спасти от надоевших обязанностей! Но не для пустых валаданий, а с целью выполнения секретного задания за пределами Ада. Оцени: секретного! Акцентирую: за пределами Ада. Куда и зачем едешь – скажу позже.

– И я справлюсь?

Вратарь не поверил своим ушам, так как сам себе он бы не доверил ничего похожего на «важную командировку с целью выполнения секретного задания».

– Справишься, я сегодня ночью всё продумал. Ты – исполнительный и незаметный, а это ценнейший суповой набор, ёпрст, ценнейший набор качеств... Слушай, сходи на кухню, на печке в чугушке картошка, принеси. Мысль неэнергична, пора подзаправиться. Нет, не ходи. Сейчас тебе кое-кого покажу.

Он позвонил в колокольчик.

Совсем скоро в приоткрытое окно заглянула улыбчивая молодая женщина.

Принимающий подтаскивал к центру комнаты третье кресло.

– Мария, присоединяйся к нам. Доверенное лицо в путь-дорогу собираю. Отметим.

– Кодовое выражение «в путь-дорогу»? Сейчас накрою на стол.

Красавица, мелькнув белой блузкой, исчезла.

Начальник хвастнул:

- Невеста моя.
- Ничего себе! – встрепенулся Вратарь.
- А ты думал! – подхватил пылкую интонацию жених.

Отворилась дверь. Мария катила сервировочный столик, подметая пол подолом синего сарафана.

Пока она выставляла из шкафчика столовые приборы, Принимающий посматривал за её движениями, покачивал головой и цокал, завидуя самому себе.

Наконец все трое сели вокруг столика, заложили салфетки и подняли бокалы.

XIV

Начальник загудел в бокал-рог, как в рупор:

– Чокнемся звонко назло нечисти, хрусталём да об чеканку! Отныне имя тебе – Василий, а фамилия тебе по должности – Вратарь. На наших глазах рождается новая личность. Будем знакомы. Василий. Мария. Ну, кто я, вы знаете, ха-ха-ха.

Вратарь приподнялся, потянулся за ладонью Марии, дабы по этикету поцеловать...

– Без церемоний, – ревнивец недовольно рассоединил руки знакомящихся.

– Мария, – скромно представилась Мария.

– Василий Вратарь. Можно просто – Вася.

– Выпьем за знакомство, – гаркнул Принимающий. Все чокнулись, и только поднесли бокалы ко рту, он прервал. – Дурацкий тост. Давайте лучше выпьем за то... за то, что вы у меня такие исполнительные и незаметные! – и опрокинул сидр в глотку.

Вася подержал за ножку хрустальный бокал на расстоянии от себя, зажал нос и отхлебнул немного сидра. Мария тоже только пригубила, занюхала кончиком русой косы. Непонятный тост Принимающего оба пропустили мимо ушей.

Принимающий скривился от газов и стукнул кулаком по подлокотнику. В кресле хрустнуло.

– Какая гадость! Какая гадость этот ваш заливной сидр, или как его там... который на этих заливных яблочках, на этих ваших хваленых райских яблочках! Газы сшибают наповал.

И стукнул бокалом-рогом уже по столику. Посуда подпрыгнула и звякнула.

Вратарь ссутулился от праведного гнева на сидр и обратился к нарекателю за уточнением:

– А я по батьке-то кем буду?

– А-а, эт-ты правильно, – раскрасневшийся Принимающий одобряюще погрозил указующим перстом. – Значица, пусть отчество тебе будет Иммануилович.

– Да вы что, – возмутилась Мария, – нельзя такое сочетание в подобной командировке. Мало того, что Василий, да ещё Иммануилович! Сразу разоблачат. Спуститесь, пожалуйста, с небес на землю.

Вратарь с непониманием перевёл взгляд с него на неё, потом опять на него.

– Права. Ну, тогда Капитолиевич, – тем же указательным пальцем Принимающий нажал ей на нос, как на кнопку звонка. – Капитолий, дзинь, к вам можно? Капитолий – исконно латинское имя, вполне приземлённое, ха-ха-ха, означает, голова.

– Василий Капитолиевич? Не играйте судьбой Василия. Имя для отчества должно быть символичное, но не броское.

– Символичное, но не броское? Тогда Капитон. Тоже латинское, тоже голова. Есть такое государство Латынь, там поголовно все Капитоны. Ка-пи-тон, ха-ха-ха, весело звучит, приземлённо, по-ребячески и без притязаний, как сам Вратарь. Итак, нарекаю тебя, Ка-пи-то-но-ви-чем.

– Если без притязаний, – воспротивилась окосевшему жениху раздумывавшаяся невеста, – то зачем и нарекать? Право!

– Пр-раво! – повторил побагровевший Принимающий, прорывав «р», и поднял опьяневшие глаза ко лбу. – Извольте, сейчас подберу более подходящее.

Пауза затянулась.

– Ешьте, ешьте, – сказала успокоившаяся Мария, подкладывая на тарелки молодую картошечку и салаты.

– Я огорошен, Вася, – внезапно сказал Принимающий, приблизившись к лицу Васи, дышнув сидровым душком. – И знаешь, чем я огорошен? Откроюсь тебе, слушай. Знаешь, чем?..

Вратарь замер на половине глотка, не понимая, отвечать на вопрос, предполагая, чем тот огорошен, или ждать его рассказ, и закашлялся. Мария встала, постучала его по спине.

– Подавился, – процедил Принимающий, с неприязнью разглядывая согбенного работника, но быстро переключился и жалостливо-хвастливым тоном разоткровенничался: – Не знаешь. А вот Мария знает, но делает вид, что наивная-наивная. Я же по-честному с ней, Вася! Я же ухаживаю, как дурак. Совсем с ума свихнулся: одолжил в казарме гитару, песни под балконом ей по ночам пою, как их там, серенады. В непролазную тьму по лугу шарю, цветы собираю. Бывает, придёшь на свидание, а глядь, в руке один куцый чертополох...

Вратарь выгородил жениха перед невестой:

– Да у нас тут кроме полезного бурьяна мало что растёт.

– ...А то, слышь, Васёк, слышь, полез я за поцелуем. Луны у нас только не хватает для полной романтики. Значица, карабкаюсь я по аварийной лестнице её дома, зову. Вышла Мария на балкон: платье из белых кружев до пят, осанка владычицы, шея лебединая, руки манерные, волосы шелковистые по ветру. О, увлёкся воспоминанием! В общем, дотянулся я до балкона, уцепился, повис. А она, ишь, неприступная, даже ко мне не наклонится. Я поднатужился, ногу раскачал, чтобы на балкон подбросить, нога в плюще запуталась... И я свалился с этим жидким букетом на заросшую отмостку, как тюфяк с соломой. Всё.

Вася снова чутко поддержал:

– Знать бы, где упадёшь, соломки подстелил бы.

– Слышь, приземлился я, лежу в траве-мураве, колючки чертополошья по морде влюблённой рассыпались... Отбил себе бок, синяк во-от такой был. Короче: не поцеловал я её ещё ни разу, Вася. Понимаешь?

– Понимаю, – покорно дал ответ Вратарь.

– Да ни черта ты не понимаешь, – с горечью заболтав головою, пролаял начальник.

XV

И запел, аккомпанируя себе на шестиструнной перебором:

Люблю я печёные булки
Из теста на адской муке.
Наешься – и адские муки
Мельчают, как рябь на реке.

– Это я сам сочинил.

– Ах!

– Да, Мария. Тот репертуар, который я тебе тет-а-тет пел, из солдатского песенника позаимствовал. А это четверостишие сам сочинил, можно сказать, дебют.

Невеста захлопала в ладоши.

– Растрогалась, – сказал Василию сочинитель. – А что, может и завоюю её сердце, как думаешь? Шанс-то, он у меня есть, али как, Васёк?

– Смущаюсь я на такое отвечать.

– Красна девица ты, что ли... смущается он. Не играй на нервах! – стал раздражаться влюбленный романтик.

– Мария, это я при вас смущаюсь, давно настоящих женщин не видел.

– А ты что, реагируешь на настоящих? – с настороженностью спросил начальник, почувствовав, как тут же выветрилось действие сидра. – Ты что, того-этого-растого, реагируешь? Ну-ка, подойди ко мне, наклони головушку свою.

И с видом заправского врача стал пальпировать место темени Вратаря.

XVI

– Годен. А ты, Мария, можешь остаться. Он мне не конкурент.

Она вернулась от двери, принялась прибирать столик.

– Годен, говорю тебе, Вратарь ты мой, к выполнению секретного задания. Сделаем из тебя инкогнито. Будешь засланцем.

– Кем-кем? – переспросил как обычно неуверенный Вратарь.

– Мистер «Х», – мистически зашептал Принимающий. – Будешь мистером иксом.

– Кем-кем? – переспросил тот снова.

– Че-ло-ве-ком! – проорал начальник, выходя из себя.

– И всё-таки мне бы нужно...

– Чего тебе нужно? Полное оживление? Не дам! Ещё чего! Будешь за юбками бегать. А мне дело делать надо. Dictum – factum! Поживёшь у меня, пока я составлю план секретного задания. Выучишь легенду, и в добрый час.

– Мне бы отчество, – рискнул договорить Вратарь. – Подходящее... Для новой личности.

– Вы отца ему так и не подобрали. Постарайтесь уж, – ратовала Мария. – Какое семя, как говорится, такое и племя.

– Я смотрю, ты заботницей его стала. О моём синяке ты так не беспокоилась. Вывели вы меня, ребяташки. Будет тебе подходящее семя, Вася! Какое слово под палец попадёт, то, считай, и батя твой.

Принимающий трезвой походкой прошагал к этажерке, вынул словарь, раскрыл наугад и ткнул.

– Иммуниет, – объявил он на всю залу. А чтобы свидетели удостоверились в его честности, он вернулся и каждому показал слово под пальцем. – Засвидетельствуйте.

– Да как же это? Иммуниет... – всплеснула руками Мария.

– А что? Хорошее слово. Знаковое, – совершенно серьёзно заявил Принимающий. – Вратарь Василий Иммуниетович, звучит. Итак, Василий Иммуниетович Вратарь, в путь-дорогу!

XVII

Оставшись наедине, Принимающий засел писать любовную записку:

Прилетай на свидание, дева-кремень!

Ясноокая дева, голуба,

Ожидает тебя твой рогатый олень
У крыльца гарнизонного клуба.

Отдалив лист на вытянутой руке, он прищурил свои дальнозоркие очи, прочёл четверостишие повторно, после чего заменил «твой рогатый» на «благородный».

– ...Ожидает тебя благородный олень. Благородный, в точку! Просто для размера хорей так звучит ритмичней.

Довольный результатом, жених нажал на штемпельную губку подушечкой указательного пальца, оттеснил ею личную печать поверх последней строчки стиха, вложил записку в конверт, прикрепил на него бантик из розовой атласной ленты, подготовил для передачи курьеру.

XVIII

Запылённые и молчаливые путники брели, казалось, куда глаза глядят.

– Смотрите! – взволнованно оживился Грешник, подставив открытую кисть ребром ко лбу. – Я вижу прямо по курсу камень!

Змеи тут же изобразили заинтересованные лица, сделали себе «козырьки» из кончиков хвостов и затараторили: «камень», «камень», «камень», «камень», «камень», «камень».

– Камень! Камень! – радовался Грешник, докладывая об этом открытии так же возбуждённо, как юнга на мачте корабля оповещает экипаж о замаячившей долгожданной земле.

Шестёрка не унималась, строча: «Краеугольный камень!», «Откуда он здесь? вот это да!», «Святой Грааль!», «Неизвестность вырвалась из-за горизонта событий!», «Пилигримы достигли недостижимое!», «Мы ошарашены!».

– До него ещё сутки пути, – равнодушно сказал Паромщик. – Только кажется, что рукой подать.

– Только кажется, только кажется... – Пресмыкающиеся расстроено опустили «козырьки». – Оптический обман. Сколько ещё влачиться?

– Хотя какое-то разнообразие ландшафта. Куда спешить? – отстаивал Грешник.

– Пузо протрём, но доберёмся первыми! Айда, сёстры, галопом?

– Да вас никто не собирается обгонять. В чём причина суматохи? – спросил Грешник.

– Причина донельзя популярна, очевидна и незамысловата. Мы гонимы идеей: поскорее добраться до камня, чтобы, воспользовавшись им, помудреть, вследствие чего возыметь право пройти боевое крещение и в итоге получить по праву принадлежащее нам бессмертие, – пояснила змеиное нетерпение змея изумрудного цвета.

– Ничего себе, незамысловатая причина, – сказал Грешник.

– Это легендарный философский камень! – взвизгнула самая короткая из змей. – Никто не знает, сколько он здесь простоял, а ведь ничто не вечно под Луной, поэтому надо спешить, пока камень не рассыпался в прах.

Грешник дёрнул Паромщика за рукав.

– Что, правда? Тот самый, философский?

– Ага, слушай их! Обычная глыба, – отмахнулся Паромщик.

– А разве это не одно и то же? – змеи подстрекали его к спору.

– И да, и нет, – Паромщик не шёл у них на поводу. – Камень, дающий бессмертие, сам не вечен?..

– Ох уж эта двойственность. Дуальность... – тоном выдавшего вида мудреца протянула самая длинная из змей и подмигнула соплеменницам, передавая эстафету.

Её приняла самая узорчатая, она погромела трещоткой хвоста, привлекая к себе внимание:

– Грешник, ты, случаем, не владеешь тарабарской грамотой? На этой философской глыбе высечены заклинания на тарабарщине. И сколько мы ни старались, не смогли их прочесть.

– Так вы были у этого камня?

– Сто раз!

– Сто раз?

– Это ты – новичок, а мы здесь – завсегдатаи.

– Так чего же вы тогда удивлялись? «Ошарашены» они! – Грешник так возмутился, что аж остановился.

Змеи подготовлено и с энтузиазмом бросились разглагольствовать, раз уж разогрели Грешника до состояния возмущения, в котором любой готов впитывать информацию как губка.

– А нам нравится удивляться!

– У каждого индивида есть свои характерные ключевые эмоции и чувства, которые, становясь привычками, определяют поведение индивида. И тогда говорят: у него такой характер.

– Например, Паромщик сдержан в эмоциях. Кто-то более смешлив, кто-то более осторожен, кто-то чаще остальных идёт на риск.

– А мы вшестером выбрали в качестве стержня наших личностей зашкаливающее удивление.

– Поэтому мы всякий раз ошарашены!

– К тому же, если ничему не удивляться, то зачем вообще на что-то смотреть?

Грешник, сражённый змеиной логикой, только развёл руками.

Изумрудная змея ухватила за паузу и внесла дополнительное объяснение:

– Доложу тебе, мы проводили эксперимент и от обратного: закрывали глаза, ожидая, что если ничего не будем видеть, то, соответственно, ничего не будем чувствовать. Но оказалось, мир проецируется на глаза внутреннего зрения и обеспечивает сеансом обозрения вместе с многообразием эмоций и чувств. Ставя эксперименты в лаборатории своей души, мы поняли, что бесполезно подавлять нашу реакцию. А главное, мы искренни в ней, и она даёт нам радость! С тех пор всему, что нам говорят, мы поражаемся от самого чистого сердца и, находимся ли в известном, или неизвестном месте, с удивлением смотрим на всё во все глаза!

Узорчатая змея снова погромела трещоткой хвоста.

– А я дополню объяснение примером о поведении такого индивида, который перебрал с мрачными эмоциями, сделал их ключевыми и, не дав себе время на избавление от зависимости ими, стал отрицать взаимодействия с действительностью, отчего эмоционально выгорел и в итоге лишил себя жизни. Этот индивид через лишение себя жизни не избежит переформатирования в другой энергетический вид. Он всё равно снова будет участвовать в метаморфозах бытия, которые наполнены событиями и переживаниями от взаимодействия с другими существами. А также переформатирование – неизбежно, так зачем спешить? Он может долго сбегать от себя и, как результат, получать страдания от жизни, но в конечном счёте ему придётся научиться смотреть в лицо ситуации, в которой он оказался, и, оценивая свои переживания, изменять свои поступки, чтобы в итоге получать полезные результаты и удовольствие от жизни. Такое поведение оздоровит мысли, а здоровые мысли живут в здоровом теле, в котором живёт здоровый дух!

Длинная змея прочистила горло, перетягивая внимание на себя:

– Внимание, внимание! Обращение к художникам картин своих жизней! Каждый исследует этот мир, ищет ракурсы, перебирает оттенки, инструменты, стили и находит то, что резонирует с ним. Пользуйтесь картинами музея Вселенной для переосмысления и применения

опыта предков, рисуйте свои картины и оставляйте их в музее для потомков в вечное пользование, по примеру художников-предшественников!

Старшая змея закрутилась в золотую спираль и голосом взрослой женщины стала напутствовать:

– Любой, пропускающий через себя слова этой лекции, знает фундаментальные законы Вселенной. Первый закон: всё переходит из одной формы существования в другую, этот механизм, что называется, – вечный двигатель торговли! Ой, фыр, я хотела сказать, вечный двигатель бытия! Второй закон, который вытекает из первого, заключён в вопросе: как можно не быть в бытие? Здесь пригодится вывод из нашего эксперимента, который тоже является вопросом: для чего стремиться ничего не видеть, не чувствовать и, соответственно, ни о чём не думать, то есть делать всё, чтобы не быть? Проявление себя – вот суть жизни, это – второй фундаментальный закон! Бытие определяет сознание, не так ли, или нет? На этих словах можно было бы закончить лекцию. Но кто-то спросит, для чего же Высшим разумом созданы такие духовные практики, как медитация на пустоту, или простирации? Только ли для просветления? Ведь, кажется, они не помогают проявиться в физическом мире? А я отвечу: они придуманы, как и всё остальное, чтобы нам не скучно было жить. Только нечаянно или намеренно нам не сказали, что всё должно быть в меру. Безмерие – вот ваш враг во всём! Как измерить меру? Считать действие игрой. Никто же не играет, не переставая, даже дети. Играйте, но не заигрывайтесь! Если постоянно просветляться до умопомрачения – недолго из святого в святошу превратиться и на сторону тьмы перейти, так же как, если постоянно изгонять мысли, словно бесов, то от непреходящего безмыслия можно и в маразм впасть. Как говорится, «хороша мерная ложка к обеду».

Остальные змеи вознегодовали:

– А что насчёт непреходящего простирации? Получается, мы, змеи, всю жизнь простираемся? Ползаем сверх меры, выходит? Тогда как нам перестать играть в змей, если мы рождены ползать? Хоть что-то можно в нас изменить?

Старшая обнадёжила:

– Летать не сможете, но левитировать – вполне. Основа – практика. Цитирую: встань и лети.

Наскоро пошептавшись, соплеменницы дали отпор таким измышлениям:

– Исходя из сказанного тобою, благодаря простирациям мы уже наползли себе просветление! А просветление – билет в бессмертие. Так что не будем мы пробовать летать, нам в своём положении выгодней!

Грешник вставил:

– И про мерную ложку – что-то не из той оперы.

– Это я вас проверяла, внимательно ли вы слушаете? С вашего позволения, продолжу. Как сказал небезызвестный Гилберт Честертон: «Будда жалеет людей за то, что они живут, Христос – за то, что они умирают».

Паромщик с улыбкой Будды слушал эту спонтанную лекцию и беззвучно поддакивал, поддевая и бесцельно побрасывая носками сандалий мелкие камешки.

Грешник ткнул его локтем:

– На первый взгляд, сумятица какая-то. А на второй, физика и философия – синонимы!

Старшая змея к этому времени трибуной избрала нагрудный карман рубашки Паромщика, оттуда она подытожила:

– Все мы – просто часть Повсеместного Сущего! Лекция окончена. Кто сколько может, опустите в карман, ой, фыр, извините, в урну. Добровольные сборы пойдут на благотворительность, поборы пойдут на пир во время чумы. Жертвоприношения и взятки возложите на алтарь для обряда освящения, их проведут по бухгалтерии, и они вернутся в руки хозяйственников. Спасибо за внимание.

– Я в восторге! – Грешник панибратски стукнул Паромщика в рёбра. – С такими знаниями мне уже всё равно, куда шагать.

XIX

– Раздевайся, освежимся, – сказал Паромщик, снимая с себя одежду.

– Где ж тут «освежаться»?.. – опешил Грешник.

– Надвигается странствующее озеро, – пояснила длинная змейка, указав хвостом как указкой в сторону летящего водоёма. – Во-он планирует.

– Не странствующее, а блуждающее, – высказала своё мнение короткая.

– Не иначе как блуждающее, – поддержала изумрудная. – Над его гладью летают блуждающие огни, они заблудились. Значит, озеро тоже блуждает.

– Не блуждающее, а странствующее! – с возмущением щёлкнула хвостом узорчатая. – Это озеро – странник, а любой странник знает, куда идёт, и он всегда самодостаточен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.